

Ярослав. Очень мудрый

Госоркестр дал премьеру

Александр Розенблат представил свое новое сочинение "Ярослав Мудрый" – вокально-симфонические картины для солистов, хора и оркестра в 11 частях (поэтическое либретто П.Гладилина), исполнение которого состоялось в Большом зале Московской консерватории. Все, что приличествует торжественному моменту мировой премьеры, было на месте: на высоте оказались и ГАСО, и хор Академии хорового искусства (художественный руководитель В.Попов) под управлением специально приглашенного из Киева дирижера В. Кожухаря.

В авторе кантаты сразу угадываешь человека, профессионально подкованного и всесторонне образованного: он умудрился собрать и претворить в своем сочинении сразу все, что наработали композиторы, трудившиеся на ниве русского национального искусства. Тут вам и мощь хоровых масс (читай – эпически-обобщенное начало), и огромный оркестр, в котором, по заветам кучкистов, акцентируются мощь и колоритичность, и наша посконно-русская колокольность во всех смыслах и видах, и смешанные размеры, вызывавшие восторг во времена Римского-Корсакова.

В создании собственного ораториального большого стиля Розенблат весьма настойчиво использовал свой огромный опыт мастера музыкального коллажа и аранжировок. Где-то он демонстрирует это вполне открыто как прием из области "искусство для искусства" и заодно многозначительный символ великих музыкальных традиций нашего Отечества (виртуозное сплетение тем прогулки из "Картинок с выставки" и пьесы "На тройке" Чайковского). Но в большинстве случаев конкретный прототип "перепевов" идентифицировать невозможно: на основе заветов старых – и не очень – мастеров композитор разработал некий усредненный стилизованный рецепт, в котором угадываются бородинские, прокофьевские, свиридовские и другие ингредиенты. И немудрено, что нехристи печенег из новой эпопеи как-то подозри-

тельно похожи на крестоносцев из "Александра Невского", а Владимир того и гляди запоет арию Кутузова.

Хоровые эпизоды канаты, хотя излишней свежестью и новизной и не грешат, все же довольно органичны и стилистически однородны. Некоторое недоумение на общем монументально-эпическом фоне вызвали сольные высказывания героев-протагонистов и инструментальная стилистика. Пленительные переливы арфы и флейточки, умирительные сольные пассажи скрипки сочетаются с диатоническими секвенциями в эстрадно-джазовом духе и цепочками терпких септаккордов...

Выдача замуж и женитьба Ярославичей сопровождается слишком серьезной, а потому немного забавной "характеристикой" через жанр: Генрих Французский – пожалуйста вам менюэт; половецкая княжна представлена чем-то очень напоминающим половецкие же пляски из "Князя Игоря", но в слегка ресторанном варианте; для характеристики норвежца Герольда Храброго припасена григговская пьеса "В пещере горного короля".

В общем, фреска на древнерусские темы получилась грандиозная, тщательно и любовно выписанная. Вот только выглядит она как плакат. Нет, вокально-поэтические картины вовсе не примитивны, местами даже по-настоящему торжественны и бодрящи, но на квадратный метр партитуры здесь все же маловато своего. И, видимо, сочетание мышления аранжировщика с типическими академическими приемами и высокой идейностью просто не функционирует. Наверное, поэтому целое выглядит странным атавизмом. Конечно, с трудом можно представить себе какую-нибудь фантазию на темы из оперы "Борис Годунов" в стиле фолк-джаз или мюзикл "Ярослав Мудрый", но уверена, что у Розенблата это получилось бы здорово. А все то, что уже получилось, могло бы быть весело, когда бы не было так серьезно.

Лада АРИСТАРХОВА

Культура. - 2002. - 28 февр. - 6 марта.
с. 8